

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/514/12

Законодательные нормы Соборного уложения 1649 г. в сфере регулирования мельничного дела в Московском государстве

Александр Николаевич Медведь¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, man1153@yandex.ru*

Аннотация. Представлена история становления первых юридических норм в деле регулирования мельничного дела в Московском государстве в середине XVII в. Первым законодательным актом, где рассматривались проблемы функционирования мельниц, стало Соборное уложение 1649 г. Сделан вывод о том, что статьи Уложения, связанные с данной тематикой, отчасти копировали более ранние юридические нормы, содержащиеся в статутах Великого княжества Литовского, однако имели некоторые отличия не только по форме изложения, но и по сути принимаемых мер. Рассмотрены примеры применения некоторых положений Соборного уложения.
Ключевые слова: водяные мельницы, Соборное уложение, Московское государство, статуты Великого княжества Литовского

Для цитирования: Медведь А.Н. Законодательные нормы Соборного Уложения 1649 г. в сфере регулирования мельничного дела в Московском государстве // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 104–110. doi: 10.17223/15617793/514/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/12

Legislative norms of the 1649 Sobornoye Ulozheniye in the regulation of the mill business in the Moscow State

Alexander N. Medved¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, man1153@yandex.ru*

Abstract. The article explores the history of the formation of the first legal norms in the regulation of the mill business in the Moscow state in the middle of the 17th century. The most common type of mills in this period were water-driven mills. They were used not only in the agrarian sector, but also in metallurgy and light industry. The technological scheme of Russian water mills in the 17th century was rather complex and archaic. It is emphasised that the mill business itself in the Moscow state developed in an extensive way, the number of mills increased, which sometimes worsened the ecological situation on the rivers, flooding of arable land and disturbances in the functioning of other mill complexes. All of this led to disputes, complicated social relations between the owners of mills and lands, and generally had a negative impact on the economic situation in the regions of the Moscow state. On the basis of act materials examples of conflict situations related to the use of mills in some regions of the Moscow state in the 17th century are given. The general state legal acts created in the late 15th and 16th centuries are considered. These acts do not mention the mill business as an object of law enforcement activity. Particular attention is paid to the Sobornoye Ulozheniye (law code) of 1649. It is argued that it was this document that became the first legislative act, where the problems of mill functioning were considered. A search was made for possible sources used in the creation of the norms of the Sobornoye Ulozheniye. It was concluded that its relevant articles partly copied earlier legal norms contained in the statutes of the Grand Duchy of Lithuania of the 16th century. The norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and the norms of the Sobornoye Ulozheniye of 1649 were compared. It is noted that the norms of the Sobornoye Ulozheniye devoted to mills had some differences from the norms of statutes not only in the form of statement, but also in the essence of the measures taken - the norms of the Ulozheniye were largely aimed at curbing the very possibility of technological accidents through the introduction of a ban on the construction of mills on dangerous sections of rivers. But the question of punishment of those responsible for these accidents was secondary. Examples of application in the realities of the Moscow state of the 2nd half of the 17-early 18 centuries of some provisions of the Sobornoye Ulozheniye of 1649 are considered. Some provisions of the Sobornoye Ulozheniye of 1649 are considered, and it is concluded that the norms and the practice of their application set out in the Ulozheniye could not radically affect the situation with the use of mills. It is hypothesised that some decrease in the number of conflict situations related to the use of mills in the 18th century was due to the spread of more advanced technological objects - windmills.

Keywords: water mills, Sobornoye Ulozheniye, Moscow State, Statutes of Grand Duchy of Lithuania

For citation: Medved, A.N. (2025) Legislative norms of the Sobornoye Ulozhenie 1649 in the sphere of regulation of the mill business in the Moscow State. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 104–110. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/12

История развития водяных мельниц является важной частью истории сельского хозяйства и истории техники. Юридические нормы, регулирующие использование технических средств в Московском государстве, появляются довольно поздно. При этом необходимость в разработке таких норм стала ощущаться еще в начале XVII в., после Смутного времени. Это был сложный период упорядочивания земельных отношений, социальных и экономических связей, значительно изменившихся в период смутного лихолетья.

Исследований, где тема эволюции технических объектов и связанных с ними юридических норм была бы раскрыта максимально подробно, до сих пор крайне мало. Общим вопросам истории развития мельничного дела посвящены разделы в монографиях, посвященных истории российской техники – это и работа В.В. Данилевского [1], и книги Н.И. Фальковского [2, 3]. Есть отдельные статьи, посвященные истории отдельных мельниц в регионах России и Украины. Однако в этих работах исследовались лишь особенности конструкций различных мельниц и проблемы распространения и содержания мельничных хозяйств.

С другой стороны, исследования происхождения и содержания Соборного уложения начались еще в XIX в., но ни в одной работе, посвященной этому важному юридическому документу тематика законодательных норм функционирования мельниц не рассматривалась.

В 1980–2020 гг. сформировался целый корпус исследований, посвященных отдельным ситуациям, описанным в Уложении. Они затрагивают различные аспекты, связанные с самовольным строительством, вопросы кадастра и регулирования имущественных отношений. Однако юридические проблемы, связанные с мельницами, рассматривались редко. Можно упомянуть несколько работ, где подобная тематика затрагивалась в контексте изучения истории дорожной сети России. Прежде всего, это исследования А.Н. Закатова [4] и Ю.И. Петрова [5, 6]. Однако основное внимание в этих работах было уделено формированию налоговой системы Русского государства в контексте развития дорожной инфраструктуры Московского государства. Проблемы, связанные с функционированием мельничного хозяйства в этих работах не рассматривались. А между тем эта тема важна, так как впервые в общерусском юридическом документе рассматривалось влияние сложных технических объектов (каковыми являлись мельницы) на общество и природу.

Развитие мельничного дела тесно связано с развитием экономики и аграрного сектора Московского государства XVII в. Этот период вообще является очень важным временем для истории техники, ведь именно тогда техника, ее объекты, воспринимаются как один из факторов экономического развития Московского государства.

В свою очередь мельницы были одним из наиболее важных элементов рождавшейся новой экономики. Речь, конечно же, идет о водяных мельницах, так как

ветряные мельницы и мельницы иных типов стали появляться в Московском государстве ближе к концу XVII века.

Заметим, что увеличение количества мельниц было связано не только с проблемой обмолота зерна. В XVII в. в Московском государстве распространяются универсальные мельницы, способные производить разные виды работ. Кроме того, начинается активное внедрение железоделательных мельниц, что повлияло на развитие металлургической промышленности и оружейного дела.

Так, известно, что в 1632 г. голландский предприниматель А. Винниус с компаньонами получил монопольное право на создание заводов по выработке железа. В царской грамоте, фиксировавшей права компании А. Винниуса, говорилось о нескольких мельницах, которые должны были быть построены в рамках создания железоделательных заводов. Такие заводы были построены на р. Тулице. Но все-таки в основном водяные мельницы были частью аграрного сектора экономики Московского государства.

Следует отметить, что развитие мельничного дела к середине XVII в. привело к ситуации, когда был достигнут предел в совершенствовании технологий выработки энергии с помощью воды. Поэтому мельничное дело в Московском государстве развивалось в XVII в. скорее экстенсивным путем, через увеличение количества мельниц, но не через совершенствование конструкции таких мельниц.

В свою очередь, это становилось причиной того, что мельницам становилось «тесно» на небольших реках России, что приводило к разного рода спорным ситуациям и часто конфликтам.

Об одной из таких ситуаций говорит царская грамота 1647 г., посланная из Москвы воеводе Прокофию Елизарову в Соль Камскую.

В 1646 г. торговый человек и владелец мельницы Алексей Онуфриев обратился к царю Алексею Михайловичу с тем, что игумен Вознесенского монастыря Сергей с братией 22 года владеют двухколесной мельницей на р. Усолке, при этом не платя оброк. Также Вознесенский монастырь владел «присадной землей» подле реки Камы. Под «присадной землей» в данном случае следует понимать, видимо, землю, образовавшуюся в результате речных наносов. За эту землю монастырь платил в казну оброк – 2 рубля в год. Онуфриев предлагал передать ему и мельницу, и землю. Причем он выдвинул, как ему казалось, выгодные условия – он пообещал платить в течение 5 лет оброк с мельницы (по 5 рублей в год), с земли (по 3 рубля в год). Московские чиновники согласились с таким предложением, правда, с двумя условиями – увеличить оброк с мельницы до 5 рублей 13 алтын 2 деньги и провести проверку мельницы.

Проверка была поручена соликамскому воеводе Ивану Львову. В это же время игумен Сергей написал встречное обращение к царю, где указал, что Онуфриев,

оказывается, «насилством», без всяких царских грамот и указов построил свою мельницу «под их монастырскую мельницу вновь и ту их старинную мельницу своей мельницей заводной водой потопил» [7. С. 80].

В ходе разбирательства выяснилось, что монастырская мельница была поставлена в соответствии с царской грамотой, выданной в 1629 г. А вот мельница Онуфриева, построенная в 1645 г., действительно создавалась без каких-либо разрешительных документов. Чиновниками и посадскими людьми был проведен осмотр места, который подтвердил, что монастырская мельница не мелет в полную силу, так как запруда, устроенная Онуфриевым ниже по течению, не дает возможности воде течь быстро. Уровень воды стал выше, и мельничное колесо монастырской мельницы оказалось почти полностью в воде.

В царской грамоте, заверенной дьяком Никифором Демидовым, содержалось решение, согласно которому монастырская мельница оставалась в ведении монастыря, но в течение 5 лет с нее (как и с «присадной» земли) должен был взиматься оброк в размере 11 руб. ежегодно без права передачи оплаты оброка кому-либо другому. А вот мельницу Онуфриева было предписано разобрать [7. С. 83].

Здесь следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, в XVII в. строительство мельниц должно было всегда производиться на основании решений государственных чиновников. При этом было возможно создание мельниц без всяких разрешений – их существование зависело лишь от случая.

Во-вторых, мельницы могли использоваться безоборочно, т.е. фактически не облагались налогом, принося их владельцу чистый доход, но не принося такого дохода государству. Но это тоже могло продолжаться до определенного момента – очевидно, что в случае с монастырской мельницей местные органы власти просто забыли о взимании оброка с мельницы, которая существовала несколько десятилетий. Как только информация о ней поступила в Москву, центральная власть тут же распорядилась брать с нее оброк.

В-третьих, местная власть инициировала полноценное обследование обеих мельниц с привлечением жителей, которые одновременно выступили как свидетели и, возможно, как эксперты.

Но нельзя не обратить внимание и на самое главное – если бы не попытка Онуфриева провести присвоение монастырской мельницы, то вся эта история могла и не получить никакого развития. Одной из главных причин было отсутствие законодательных норм в отношении мельниц, а решение по этому делу звучало несколько странно: «мельнице Онуфриева не быть, потому что по досмотру посадских людей, той мельнице быть нельзя».

Именно стремление урегулировать такие ситуации, снятие социальной напряженности в среде русских обывателей и являлось главной причиной создания законодательных норм использования мельниц.

Описанный выше случай и, очевидно, многие другие похожие случаи сигнализировали центральной власти о том, что проблема функционирования мельниц как важной части микроэкономики различных регионов Московского государства требует законодательного оформления.

Попытки урегулировать создание и использование мельниц предпринимались еще в начале 1620-х гг. Однако первым законодательным документом Московского государства, где уделялось внимание различным аспектам мельничного дела, стало Соборное уложение 1649 г.

В более ранних общегосударственных законодательных актах (например, судебныхниках конца XV и XVI вв.) эта тема регулирования мельничного дела не затрагивалась, что, вероятно, было связано с относительно небольшим количеством таких мельниц.

Вопросы, касавшиеся мельниц, содержатся только в главе 9 Уложения «О мытах, перевозах и мостах». Соответственно, и мельницы в этом законодательном документе рассматриваются в их связи с путями сообщения и служат скорее дополнительным элементом. Однако само появление мельниц как объекта права очень показательно и свидетельствует о возросшем значении этих технических объектов в жизни Московского государства.

Нельзя не отметить, что законодательные нормы, сформулированные в Соборном уложении, показывают всю сложность ситуации с мельничным делом в Московском государстве середины XVII в. и касаются нескольких важных аспектов мельничного дела:

1. Безопасное размещение мельниц на реках;
2. Обеспечение свободного судоходства и содержания иных путей сообщения;
3. Сбор налогов в казну за мельницу.

В Соборном уложении наибольшее внимание уделялось строительству новых мельниц. Очевидно, что мельницы, построенные до принятия этого важнейшего юридического документа, не подпадали под ряд его статей. Подразумевалось, видимо, что само существование этих мельниц служит подтверждением их правильного и безопасного размещения. Такой подход являлся свидетельством обычного права, которое все еще сохранялось в законодательстве Московского государства.

Чуть подробнее остановимся на каждом аспекте регулирования мельничного дела в Уложении.

Безопасное размещение мельниц на реках. Новые мельницы можно было сооружать в том случае, если владелец мельницы был одновременно и владельцем земли на обоих берегах реки, на которой она располагалась, а уже существующие мельницы других владельцев располагались выше по течению. Но и здесь имелось дополнительное условие – новая мельница не должна была располагаться вблизи пашенных земель и земель, использовавшихся под сennie покосы: «238. А будет кто помещик, или вотчинник похочет у себя в поместье или в вотчине на реке плотину зделать, и мельницу устроить вновь, а береги оба тое реки будут его, а выше тое плотины у иных помещиков и у вотчинников на той же реке старых мельниц и пашенных земель и сennie покосов блиско берегов тое мельницы не будет, или и будет, да от тое новья запрудные воды тем верхним мельницам и пашням и сennie покосом никакия порухи не будет, и ему та мельница вновь строить вольно» [8. С. 148].

Обеспечение свободного судоходства и содержание иных путей сообщения. Уложение устанавливало приоритет движения судов по рекам перед строительством мельниц: «А которыми реками суды ходят, и на тех реках прудов новых и плотин и мелниц не делати, чтобы по тем рекам новыми прудами и плотинами судового ходу не переняти» [8. С. 94]. Подразумевалось, что старые мельничные комплексы не мешают судоходству, поэтому их существование не подвергалось ревизии, тогда как новые мельницы могли привести к проблемам в передвижении судов.

Еще одна статья регулировала строительство мельниц вблизи перевозов, мостов и мытных пунктов: «А которые люди всяких чинов, не бив челом государю, самовольством на своих на вотчинных и на поместных водах по дорогам завели мыты и перевозки и мостовщины, и перевоз и мыт емлют самовольством внов, в которых местех наперед сего не бывало, а иные внов поставили мелницы, и тем воду подняли, а прежде сего в тех местех бывали дороги и броды, и они теми запрудами дороги и броды отняли, и со всяких чинов с людей емлют перевоз и мостовщину и мыт, и тем перевозом и мостом и мытом впредь не быти, и те мелницы и мосты и перевозки свести» [8. С. 95]. Здесь установка мельниц связывалась с возможностью беспрепятственного и бесплатного функционирования транспортных артерий – дорог, бродов, перевозов или мостов.

Отдельно разбиралась ситуация, когда мельница строилась на месте старой дороги или перевоза без официального разрешения. Соборное уложение позволяло оставлять такие мельницы, но с условием организации на месте их расположения мостов и перевозов через реки и обязательной легитимизации мельниц через запрос в административные органы и получение разрешения. При этом проезд через перевоз, организованный владельцем мельницы, должен был осуществляться абсолютно бесплатно. Если владелец не информировал власти о построенной мельнице и не организовывал перевоз либо пытался брать за пользование перевозом день, то мельница должна была быть снесена.

Сбор налогов в казну за мельницу. Вопросы сбора налогов с мельничных комплексов решались в каждом конкретном случае индивидуально. Например, за продажу мельницы или «прудового строения» взималась пошлина, размер которой не утверждался, но говорилось о том, что пошлина определялась «смотря по строению и по оценке сторонних людей» (т.е. неких независимых экспертов) [8. С. 206]. На наш взгляд, это очень примечательный момент, который свидетельствовал о том, что в центральных государственных органах отсутствовали представления о возможных средних пошлинах на продаваемые мельницы. С другой стороны, государство подошло к вопросу начисления таких пошлин достаточно либерально, фактически дав возможность местным землевладельцам и специалистам-мельникам принимать решение самостоятельно.

Впрочем, такой подход мог привести к сговору продавца, покупателя и «сторонних людей», производивших оценку с целью занижения стоимости мельницы

относительно ее справедливой цены. В этом случае в документах на куплю-продажу могли фигурировать одни суммы, а при реальном расчете – другие. Это могло делаться для занижения налоговых выплат.

Еще один вопрос касался использования мельниц не только их хозяевами, но и другими лицами, которым эти мельницы отдавались в откуп владельцами. Соборное уложение регламентировало порядок оплаты откупа: «...которым откупщиком даны будут в откуп внов городские бани, или мельницы для заводу, года на два, и на три, и болши, и учнут те откупщики бити челом государю, что они те откупы на только лет взяли для банного и мельничного заводу, и с тех бы откупов печатные пошлины взяти у них, для новых заводов, на один год, и с таких откупов печатные пошлины имати на один год» [8. С. 149].

Из этого текста следует, что правительство было заинтересовано в сооружении новых городских бань и мельниц и предоставляло определенные налоговые льготы для новых объектов.

При этом сооружение новых мельниц подпадало под определенные ограничения. На наш взгляд, здесь нет противоречия, так как правительство, с одной стороны, предлагало налоговые льготы для новых мельниц, а с другой – вводя эти же мельницы в некие рамки, пыталось расширить географию мест строительства мельниц, включив в экономику новые территории и, соответственно, новых людей.

Что же касается наказаний, содержащихся в Соборном уложении, то их было несколько. Прежде всего, необходимо было спустить воду в собственной мельнице до безопасного уровня. Далее – финансовая компенсация за подтопление других мельниц, сенокосов и пашен. Если же человек сделал новую мельницу и подвел плотину к берегу, принадлежащему другому владельцу, то требовалось разрушить эту плотину и впредь ничего подобного не строить на этом месте.

Собственно, на этом статьи, посвященные мельничному делу, заканчиваются. Уместен вопрос: являлись ли эти статьи результатом творчества московских чиновников либо они имели иное происхождение и были лишь переработаны и адаптированы для реалий Московского государства?

Многие исследователи обращали внимание на то, что часть статей Соборного уложения являются либо значительно переработанными статьями статута Великого княжества Литовского, либо прямыми копиями таких статей.

Действительно, мы видим достаточно много пересечений между Соборным уложением и литовскими статутами XVI в.

Здесь следует напомнить, что в 1-й половине XIX в. предпринимались попытки представить Литовский статут как произведение московских законодателей. Например, такой точки зрения придерживался В.М. Строев [9]. Он полагал, что один из литовских статутах (Статут 1588 г.) создавался в Москве (!), причем на русском языке, и поэтому его положения можно считать относящимися к русскому законодательству. Конечно же, это утверждение (а точнее, вывод из него) в корне неверно, так как в действительности Литовский статут 1588 г. был написан на западнорусском

языке (далеком от московского варианта русского языка), но главное – Статут отражал реалии Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, но никак не Московского государства. Влияние Литовских статута на Соборное уложение изучается достаточно давно, и, очевидно, это влияние можно считать вполне доказанным [10].

Очевидно, что и другие, более ранние статуты, также повлияли на главный юридический документ Московского государства. И статьи Соборного уложения 1649 г., связанные с мельницами, лишь подтверждают это влияние.

Здесь следует напомнить, что в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв. мельничное дело было весьма развито, существовало довольно большое количество мельниц. Так, украинские исследователи Ю.Г. Тютюнник и А.Д. Лаврик отмечали, что только на Волини к 1569 г. насчитывалось 767 мельниц [11]. Данных о ситуации в Московском царстве XVI в. у нас нет, но, очевидно, здесь количество мельниц было гораздо меньше. Поэтому неудивительно, что законодательство Великого княжества Литовского уделяло внимание мельничному делу еще в 1-й половине XVI в.

Влияние Литовских статута на Соборное Уложение очевидно, однако в деталях мы можем наблюдать некоторую разницу.

Например, и в Статуте 1529 г., и в Статуте 1566 г. рассматривалась ситуация, когда владелец обоих берегов реки поставил свою мельницу и плотиной затопил другую мельницу, располагавшуюся выше по течению. В них же рассматривалась проблема затопления сенокосных лугов и т.д. В статутах предусматривались наказания для нарушителей, из-за которых затапливались сенокосы или мельницы соседей [12. С. 97].

Соборное уложение рассматривало ту же проблему подтопления, но подход к этому решению был немного иным. Если Литовские статуты основное внимание уделяли наказанию виновного в подтоплении, то Уложение стремилось снять саму проблему, сначала вводя запрет на строительство мельниц на потенциально опасных участках и лишь потом говоря о наказании виновных в подтоплении. В Литовских статутах такой запрет, очевидно, подразумевался, но явно не декларировался.

Кстати, наказание, изложенное в Соборном уложении, повторяет наказание, содержащееся в Литовских статутах, – покрытие убытков и снос плотины, подведенной к чужому берегу. При определенных условиях снос плотины мог привести к прекращению работы мельницы.

С большой долей уверенности можно утверждать, что в Соборном уложении 1649 г. были воплощены нормы, актуальные для Великого княжества Литовского в начале XVI в. Возможно, это означает не только то, что законодательство Московского государства в принципе оформилось позднее, чем законодательство Литвы.

Эта ситуация является свидетельством того, что решение проблем использования мельниц в Московском государстве стало гораздо более насущным ввиду увеличения количества данных технических устройств.

И этот процесс активизировался именно в XVII в. – до этого периода проблема функционирования мельниц не была столь очевидной.

Завершая этот краткий обзор отметим, что статьи Соборного уложения являются первым примером упорядочивания использования технических объектов в Московском государстве.

Использовалась ли эта законодательная норма? Нам известен как минимум один такой случай, описанный в работе А.В. Сиренова [13].

В 1686 г. приказчик домового вотчины патриарха Иван Потапов построил на берегу р. Нерль новую мельницу. Однако это сооружение вызвало протесты монахов соседнего Рождественского монастыря во Владимире, которые обратились к патриарху Иоакиму с обращением об остановке мельницы.

Челобитчики перечислили несколько причин, по которым мельница Потапова должна была прекратить существование. Прежде всего это желание приказчика обогатиться («хотя получить большого жалования»). Второй причиной стало опасное соседство новой мельницы с мельницей Рождественского монастыря. В челобитной указывалось, что перед постройкой новой мельницы по просьбе архимандрита Рождественского монастыря была проведена экспертиза относительно безопасности мельницы Потапова для мельницы обители. Любопытно, что для экспертизы были привлечены 17 (!) местных мельников. Это довольно большое количество для относительно небольшого района, что может свидетельствовать о развитости мельничного дела на Нерли и близких к ней реках. Мельники выступили против постройки новой мельницы, так как в этом случае ее запруда могла подтопить мельницу Рождественского монастыря.

Результаты экспертизы были зафиксированы на бумаге, однако из-за действий Ивана Потапова они не были приняты в расчет патриархом, и решение о постройке мельницы осталось в силе. Новая мельница действительно подтопила старую, что заставило архимандрита Рождественского монастыря вновь пожаловаться патриарху. Однако о приезде проверяющих Ивану Потапову стало известно заранее, и он приказал спустить воду на новой мельнице до приемлемого уровня. Эта и дальнейшие проверки ни к чему не привели – даже если проверяющие и фиксировали опасный уровень воды в новой запруде, даже если выходил патриарший указ об этом, все оставалось по-прежнему. Просто указы не соблюдались, хотя и передавалась информация о том, что они выполнены. Окончательный результат этой тяжбы нам неизвестен, хотя последние документы, связанные с ней, относятся к 1691 г., т.е. спорная ситуация была далека от разрешения как минимум пять лет. Также следует отметить, что нормы Соборного уложения в данном случае удалось обойти без особых трудностей.

Похожие конфликты происходили и позже – известен такой спор, произошедший в 1704 г. между владельцами двух порошодельных мельниц на р. Яуза – Р. Мэером и Ф. Аникеевым [14. С. 332]. На мельнице Меэера, располагавшейся выше мельницы Аникеева, плотиной была перекрыта часть реки, из-за чего сила течения воды ослабла и не давала возможности работать мельнице Аникеева в полную мощность.

Примечательно, что эта проблема упоминалась даже в сенатском указе от 19 июня 1711 г., где содержалось распоряжение Р. Мэру, «чтоб он мельницею своею воды не запирает». Однако и в 1716 г. проблема не была решена, и весной этого года произошла авария, во время которой вода с открытой плотины Р. Мэра разломала плотину Ф. Аникеева и разрушила часть пороходельной мельницы. Этот случай очень хорошо иллюстрирует ситуацию с правовыми основами использования мельниц в начале XVIII в. – предыдущие законодательные нормы, изложенные в Соборном уложении, полностью игнорировались владельцами мельниц.

Самым распространенным типом мельниц в Московском государстве XVII в. был тип водяной мельницы. Конструкция мельниц такого типа при всех положительных сторонах (главной из которых являлась простота конструкции) имела свои недостатки. Водяные мельницы располагались на реках достаточно скученно, что приводило к серьезным последствиям для аграрного сектора и для сектора транспорта. Встречались планы местностей XVII в., где на небольших территориях часто было изображено более 20 водяных мельниц [15. С. 141]. Эта скученность могла приводить к серьезным изменениям природных условий микрорегионов. Такими изменениями могли быть как обмеление рек ниже по течению из-за перекрытия плотин, так и наоборот – подтопление территорий из-за открытия или прорыва этих плотин. Также водяные мельницы (а точнее, плотины) могли мешать проходу судов по рекам, а разлив рек из-за работы мельницы мог повредить и дороги. Неупорядоченное сооружение мельниц происходило из-за отсутствия каких-либо юридических и технических норм.

В середине XVII в. правительство Московского государства пыталось внедрить новые законодательные нормы, чтобы хотя бы частично решить проблемы,

связанные с функционированием мельниц. Эти нормы во многом повторяли нормы, изложенные в Литовских статутах XVI в. Как показала практика правоприменения этих норм, нарушители довольно быстро находили пути их обхода либо затягивали процессы экспертизы и окончательного принятия решений. Хотя, безусловно, Соборное уложение сыграло и положительную роль – например, благодаря ему отчасти была решена проблема самовольного возведения водяных мельниц. Также более упорядоченным стал процесс взимания с мельниц налогов.

Существовал и второй, «технический» путь решения проблемы водяных мельниц. Он включал в себя постепенное внедрение ветряных мельниц. Ветряной тип привода не зависел от течения воды и водоемов и позволял размещать мельницы практически на любом открытом месте. Ветряные мельницы полностью исключали какие-либо отрицательные последствия для посевов и земли в целом. Также их работа не приводила к социальным конфликтам, поскольку для их функционирования не требовались большие территории, а в случае аварии не страдали участки земли соседей. В первой половине XVII в. мельницы с ветряным приводом, вероятнее всего, отсутствовали в Московском государстве, либо их были считанные единицы. Постепенное распространение ветряных мельниц относится уже ко второй половине XVII в., а стремительное увеличение их количества наблюдается в XVIII в., когда в Российскую империю приезжают носители европейских технических знаний, да и сами русские мастера начинают осваивать ранее малоизвестные технологии обмолота зерна и обработки других материалов. Впрочем, полностью заменить водяные мельницы не удалось даже в более поздние периоды.

Список источников

1. Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1949. 548 с.
2. Фальковский Н.И. История водоснабжения в России. М.; Л., 1947. 307 с.
3. Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950. 528 с.
4. Закатов А.Н. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича и его «дорожная» составляющая // Дороги России XXI в. 2008. № 5. С. 72–73.
5. Петров Ю.И. Правовое обеспечение сохранности и благоустройства транспортных путей по Соборному уложению 1649 года // Транспортное право и безопасность. 2017. № 1 (13). С. 65–71.
6. Петров Ю.И. Роль проезжих таможенных пошлин в обустройстве мостов и дорог в Московском государстве и императорской России // Вестник Юридического института МИИТ. 2020. № 3. С. 69–77.
7. Пермская летопись с 1263–1881 г. Третий период с 1645–1676 гг. / сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм. губ. Василий Шишонко. Пермь, 1884. 1168 с.
8. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. 444 с.
9. Строев В.М. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. 158 с.
10. Сатолин В.Н., Рапян Ю.Х. Статут Великого Княжества Литовского 1588 Года и Соборное уложение 1649 года: сравнительно-правовой анализ // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-гэарэтычныя асэнсаванне: матэрыялы міжнар. навука.- практ. круглага стала, прысвеч. юбілею гісторыка права, д-ра юрыд. навук, праф. Т.І. Доўнар, Мінск, 11 кастр. 2019 г. / рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2019. С. 310–321.
11. Тютюнник Ю.Г., Лаврик А.Д. Водяные мельницы в междуречье и на водосборах Днепра и Южного Буга: опыт полевого исследования // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 4. С. 174–189.
12. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К.И. Яблонского. Минск, 1960. 253 с.
13. Сиренов А.В. Патриарший ризохранильщик Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 244–250.
14. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. 571 с.
15. Медведь А.Н. Русские картографические материалы XVII – первой четверти XVIII в. как источники по истории техники // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. № 1. С. 129–142.

References

1. Danilevskiy, V.V. (1949) *Russkaya tekhnika* [Russian Technology]. Leningrad.
2. Falkovskiy, N.I. (1947) *Istoriya vodosnabzheniya v Rossii* [History of Water Supply in Russia]. Moscow; Leningrad.

3. Falkovskiy, N.I. (1950) *Moskva v istorii tekhniki* [Moscow in the History of Technology]. Moscow.
4. Zakatov, A.N. (2008) Sobornoe Ulozhenie tsarya Aleksey Mikhailovicha i ego "dorozhnaya" sostavlyayushchaya [The Sobornoye Ulozheniye of Tsar Alexei Mikhailovich and Its "Road" Component]. *Dorogi Rossii XXI* v. 5. pp. 72–73.
5. Petrov, Yu.I. (2017) Pravovoe obespechenie sokhrannosti i blagoustroystva transportnykh putey po Sobornomu ulozheniyu 1649 goda [Legal Support for the Preservation and Improvement of Transport Routes According to the Sobornoye Ulozheniye of 1649]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'* [Transport Law and Security]. 1 (13). pp. 65–71.
6. Petrov, Yu.I. (2020) Rol' proezhnykh tamozhennykh poslin v obustroystve mostov i dorog v Moskovskom gosudarstve i imperskoi Rossii [The Role of Transit Customs Duties in the Construction of Bridges and Roads in the Muscovite State and Imperial Russia]. *Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT*. 3. pp. 69–77.
7. Shishonko, V. (1884) *Permskaya letopis' s 1263–1881 g. Tretiy period s 1645–1676 gg.* [Perm Chronicle from 1263–1881. Third Period from 1645–1676]. Perm.
8. Anon. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Sobornoye Ulozheniye of 1649]. Moscow.
9. Stroev, V.M. (1833) *Istoriko-yuridicheskoe issledovanie Ulozheniya, izdannogo tsarem Aleksem Mikhailovichem v 1649 godu* [Historical-Legal Study of the Ulozheniye Issued by Tsar Alexei Mikhailovich in 1649]. Saint Petersburg.
10. Satolin, V.N. & Rapyan, Yu.Kh. (2019) [The Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588 and the Sobornoye Ulozheniye of 1649: A Comparative Legal Analysis]. *Statut Vyalikaga Knyastva Litovskaga 1529 goda i yago gistoryka-tearetychnae asensavanne* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and its Historical-Theoretical Comprehension]. Proceedings of the International Round Table Dedicated to the Anniversary of the Historian of Law, Doctor of Juridical Sciences, Professor T.I. Dounar, Minsk. 11 October 2019. Minsk. pp. 310–321. (In Russian).
11. Tyutyunnik, Yu.G. & Lavrik, A.D. (2011) Vodyanye mel'nitsy v mezhdurech'e i na vodosborakh Dnepra i Yuzhnogo Buga: opyt polevogo issledovaniya [Water Mills in the Interfluvium and Catchments of the Dnieper and Southern Bug: Field Research Experience]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 4. pp. 174–189.
12. Yablonskis, K.I. (ed.) (1960) *Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 goda* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529]. Minsk.
13. Sirenov, A.V. (2003) Patriarshii rizokhranitel' Bogolep i dva pamyatnika monastyrskoi knizhnosti kontsa XVII v. [The Patriarchal Sacristan Bogolep and Two Monuments of Monastic Book Culture from the End of the 17th Century]. In: *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Issue 7. Moscow: Editorial URSS. pp. 244–250.
14. Brandenburg, N.E. (1876) *Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1701–1720)* [Materials for the History of Artillery Administration in Russia. The Artillery Prikaz (1701–1720)]. Saint Petersburg.
15. Medved', A.N. (2019) Russkie kartograficheskie materialy XVII – pervoi chetverti XVIII v. kak istochniki po istorii tekhniki [Russian Cartographic Materials of the 17th – First Quarter of the 18th Century as Sources on the History of Technology]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 129–142.

Информация об авторе:

Медведь А.Н. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: man1153@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Medved, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: man1153@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 30.05.2025.